КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Царькова Татьяна Сергеевна, доктор филологических наук, заведующая Рукописным отделом Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: roirli@yandex.ru

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: «ТЯЖЕЛОЕ ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ»

Рецензия на монографию: *Жирков Г. В.* Журналистика сталинской эпохи: 1928–1950-е годы. М.: Флинта; Наука, 2016. 504 с.

Tatiana S. Tsarkova, Doctor of Philology, Head of the Manuscript Department at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia; e-mail: roirli@yandex.ru

HISTORY OF SOVIET JOURNALISM: “THE HEAVY BREATH OF TIME”

Book review: Zhyrkov G. V. (2016) Zhurnalistika stalinskoy epohy: 1928–1950e gody [Journalism of the Stalin Era: 1928 – the 1950s]. Moscow: Flinta; Nauka Publ. 504 pp. (In Russian)

DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2018.254257

Монография Геннадия Васильевича Жиркова, профессора СПбГУ, – фундаментальный научный труд, в основе которого десятилетия кропотливой собирательской и аналитической работы по выявлению важнейших факторов, определивших формирование и пути развития советской, а также и антисоветской (преимущественно зарубежной) идеологии и утверждения обеих средствами массовой информации. Именно в многоаспектности и широте анализируемого материала – новизна и убедительная достоверность научного проблемно-исторического метода известного ученого. Сложнейший период становления журналистики молодого государства – 1930–1950 гг. – исследован и представлен объективно, с выявлением недостатков и достижений, противоречий и трагических событий.

Укрепление сталинского режима в 1930-е гг. автор связывает, в частности, с международной атмосферой, которая «способствовала выращиванию в СССР вождя-диктатора, который бы только и смог в тех условиях сплотить огромную страну для отпора возможных посягательств на нее. Она же позволила этому диктатору реализовать устранение от власти реальных и предполагаемых оппозиционеров, проводить такую тактику и стратегию во внутренней политике, которая укрепляла единоличную власть Сталина и создавала культ его личности» (С. 20). Та же линия прослеживается и в развитии журналистики этого периода, которой власть уже манипулировала, воздействуя через прессу на общественное мнение и общественное сознание. Как отмечает Г. В. Жирков, включенность советской журналистики в общецивилизационные процессы тех лет имела и свои положительные стороны: она становится явлением массовой культуры, интенсивно развивает свою систему, включающую огромную сеть газет разных типов (к 1940-м гг. их выходило около 9–10 тысяч), журналов, книгоиздательство, радиовещание, кинематограф. Тиражи изданий достигают мирового уровня, порой даже превосходят его, растет грамотность населения, вскоре она станет всеобщей. В деле ликвидации безграмотности и культурной революции в целом журналистике была отведена одна из ведущих ролей как собственно в России, так и в национальных регионах.

Становление национальной журналистики в СССР, возникновение и развитие селькоровского и рабкоровского движения, борьба литературных группировок и объединений и широко представленное на страницах газет (преимущественно в форме эпистолярия) участие читателей в обсуждении насущных производственных и бытовых проблем – эти и многие другие темы скрупулезно исследуются в монографии с точки зрения их отражения в прессе и ее стремления осветить все аспекты общественной жизни. Динамика роста газетной печати – хронологическая и региональная – представлена в отдельных подглавках третьей главы, проиллюстрированных убедительными графиками и таблицами.

Подробно, на документальной основе в монографии рассматривается механизм сращивания партийных и цензурных структур как средство управления информационным процессом. Журналистика и цензурный аппарат контролировались партийными органами, начиная с Политбюро, во главе которого стоял генеральный секретарь И. В. Сталин, и только от его мнения и решения зависело мнение и решение всего Политбюро. Такая расстановка сил

была использована Сталиным в борьбе за власть сначала – с оппозицией, потом – с «врагами народа», которых становилось все больше и больше, и, наконец, – в организации ГУЛАГа.

Автор останавливается на мифологемах того времени, которые вошли в партийные документы, звучали по радио, которыми зловеще пестрели страницы газет и партийных журналов: «классовая бдительность», «революционная бдительность», «большевистская бдительность», «генеральная линия партии» и др. Заключается этот раздел горьким обобщением: «Правда и ложь соседствовали на страницах периодики, ложь прикрывалась правдой, выдавалась за нее. "Принцип" революционной или большевистской бдительности был именно таким орудием: им как щитом прикрывалась ложь инспирированных и инсценированных процессов над "врагами народа" различной идеологической окраски, чаще всего изобретенной самим вождем и частью его окружения» (С. 46).

Особое место в книге занимает период Великой Отечественной войны, ему посвящены две главы – четвертая и пятая. В них иная тональность. Это документальный рассказ о мужестве и героизме всего советского народа, о государственной перестройке журналистики на военный лад, о фронтовой печати, о работе СМИ в блокадном Ленинграде. А еще о доставке родного слова – фронтовых вестей – на оккупированные территории, смертельно опасном распространении, чтении и хранении их. Г. В. Жирков приводит уникальные материалы о том, как «почти во всех лагерях смерти (Дахау, Заксенхаузене, Освенциме и др.) выпускались самодеятельные листовки, газеты, даже журналы, иногда распространялись с трудом дошедшие сюда с Родины советские издания. Условия, в которых готовилась лагерная печать, наложили на нее неизгладимый отпечаток. Листовки-крохи, написанные рукой несгибаемого генерала Г. И. Тхора, поздравившего узников лагеря Офлаг в 1942 г. с праздником Октябрьской революции. Листовки-воззвания, отпечатанные на гектографе, обращенные ко всем военнопленным, находившимся в Германии, от Комитета Братского содружества военнопленных (БСВ). Листовки с советскими песнями. Листовки-карикатуры, например, в лагере Равенсбрюк ходила такая листовка: на перилах моста сидит огромный черный ворон в фуражке эсэсовца, а под мостом – потоки человеческой крови. Название лагеря буквально обозначает "Вороний мост"» (С. 374).

Тема «Военные корреспонденты» тесно переплетается с темой «Писатели и поэты на войне», так как многие литераторы «к штыку приравняли перо», служили в армии, получали ранения, погибали в боях или победоносно дошли до поверженной Германии. Г. В. Жирков называет многие имена, забытые новыми поколениями, и дает тонкий филологический анализ появлявшихся тогда преимущественно в периодике произведений малых жанров: стихотворений (О. Берггольц, Н. Тихонов, К. Симонов и др.), очерков и циклов публицистических очерков (В. Гроссман, И. Эренбург, С. Езерский, В. Вишневский, В. Саянов и мн. др.).

Отдельная подглавка называется «Письма товарищу». Автор возрождает термин прошлого *духовная публицистика* применительно к диалогу журналистики с ее аудиторией в художественной эпистолярной форме. Шедевром публицистики военного времени называет Жирков «Письма товарищу» Б. Горбатова – цикл из пяти произведений. «Гимном ленинградцам – опухшим, упрямым, родным», по словам О. Берггольц, стали три стихотворных «Письма на Каму» матери и матери-Родине. Широкую известность, в том числе у американской радиоаудитории, получили публицистические письма Л. Леонова «Неизвестному американскому другу» с критикой бездействия союзников на начальном этапе войны с фашизмом. В книге приводится статистика «Писем с фронта» и «Писем на фронт», полученных радиокомитетами за годы войны, – их миллионы.

В конечных абзацах глав и в «Заключении» всей книги Г. В. Жирков полемически выходит за хронологические рамки, обозначенные заглавием. И в этом нет ничего удивительного, ведь «актуализация истории – способ обсуждения проблем современности».

В заключение отмечу обширный справочный аппарат, сопровождающий каждую главу, подтверждающий необычайно широкий диапазон исследования.

Книга Г. В. Жиркова ценна богатством нового фактического материала, восполняющего лакуну в истории советской журналистики, она строго и четко выстроена композиционно, предлагает интересную и актуальную концепцию разрешения вечной проблемы – творцы и власть.

Сожаление можно высказать только по одному поводу: у этого высококвалифицированного и широко востребованного издания – мизерный тираж.